

Слепая

Поэма

«Кого, рыдая, призову я
Делить тоску, печаль мою?
В чужом краю кому, тоскуя,
Родную песню пропою?
Угасну, бедный, я в неволе!
Тоску мою, печаль мою
О прежней воле, прежней доле
Немым стенам передаю.
О если б стон моей печали
И звук заржавленных цепей,
Святые ветры, вы домчали
На лоно родины моей
И в мирной куще повторили,
Где мой отец и мать моя
Меня лелеяли, любили!
А братья? Грешная семья!
Иноплеменникам за злато
От стад, елея и вина
Родного продали вы брата,
Как на заклание овна.
О боже, боже Иудеи,
Благий творителю земли,
Не наказуй родных злодеев,
А мне смирение пошли!»

Такую песню тихо пела,
Сердечной грусти предана,
Слепая нищая; она
У барского двора сидела
У незатворенных ворот.
Но из ворот никто не идет,
Никто не едет,— опустели
Хоромы барские давно;
Широкий двор порос травой;
Село забвенью предано;
С патриархальной простотою,
С отцовской славой святою
Забыто все. Село молчит;
Никто села не посетит,
Не оживит его молвою.
Как у кладбища, у ворот
Сидит скорбящая слепая
И псалму грустную поет.
Она поет, а молодая
Дочь несчастливцы моей
Головкой смуглою прильнула
К коленам матери своей;
Тоски не ведая, заснула
Сном непорочной простоты.
В одежде грубой нищеты
Она прекрасна; полдень ясный
Моей Украины прекрасной
Позолотил, любя, лелея,
Свое прекрасное дитя.
Ужели тщетно пролетят
Дни упоения над нею
И светлой радостью своею
Ея тоски не усладят?

Она прекрасна, мать калека —
Кто будет ей руководить?
Придет пора, пора любить,
И злое сердце человека
Ея любви не пощадит.
.....
..... невинным сном
Оксана спит, а мать слепая,
Уныло-тихо напевая,
И каждый шорох сторожит.
И если ветер, пролетая,
Упавший лист пошевелит,
Она немеет, и дрожит,
И робко к сердцу прижимает
Свое единое дитя,
Свою единую отраду,
Незрящей памятью следя
Давно минувших дней усладу
Печальной юности своей.
Она изведала людей!
И у забытой сей ограды
Они ее не пощадят;
Они готовы растерзать
Ея дряхлеющие руки...
Для их невнятен стон разлуки,
Чужда им матери любовь.
Они твердят — закон таков:
«Не должно в прахе пресмыкаться
И подаянием питаться
Прекрасной юной сироте;
И мы ее оденем золотом,
Внесем в высокие палаты
И поклонимся красоте,
Раскроем мир иных видений,
Иных страстей высокий мир.
Потом... потом...» И ваш кумир,
Богиня ваших поклонении,
От фимиама упилась
И закоптела от курений;
А ваша мудрость отреклась
От обещанья; горстью золота,
Великодушно бросив ей,
Затмили блеск ея очей.
И вот она в грязи разврата,
Во славу дряхлых ваших дней,
Перед толпою черни пьяной
Пьет кубок
И запивает сердца раны.
Не вы виновны, но она!
Вы дали все, что должно было
Наложнице презренной дать.
А сон девичий обновили,
А возвратили ль благодать
Ея невинных помышлений?
Ея невинную любовь,
И радость тихих упоений,
И целомудренную кровь
Вы обновили ль? Не могли!
Но, чада грешные земли!
Вы дали ль ей восторг объятий

Родного, милого дитяти,
Кому бы, бедная, она
Себя в сей мир переливала
И тайну жизни открывала,
Сердечной грусти предана?
Развратной, бедной вашей кровью
Вы не могли ей повторить
Восторги девственной любви;
Ея пустили вы влачить
Остаток дней в мирской пустыне;
И о родном, едином сыне
Ей не придется получить
Отрадной весточки сдалека.
Чужие дети напоят
Ее в предсмертный час жестокий,
И одинокий гроб с упреком
Чужие дети понесут.
Но если ей судьба судила,
Чтобы родимая рука
Очи уснувшие закрыла,
Тесна ее тогда могила,
Постеля вечная жестка!
Ея малютка за позором
Безмолвно по миру пойдет,
И в светлый праздник у забора
Яичко красное возьмет,
И со слезами и укором
Свою родную помянет.

Осенний полдень, полдень ясный
Родимой, милой той земли,
Мои где годы расцвели,
Где так напрасно, так несчастно
В недоле бедной протекли,—
Осенний полдень, полдень ясный,
Как друга юности, любя,
Чужими звуками тебя
Позволь приветствовать, прекрасный!
Ты тот же тихий, так же милый,
Не знаешь времени,— а я!
Не то я стал, что прежде было,
И путь унылый бытия,
И ноша тяжкая моя
Меня ужасно изменили.
Я тайну жизни разгадал,
Раскрыл я сердце человека,
И не страдаю, как страдал,
И не люблю я: я калека!
Я трепет сердца навсегда
Оледенил в снегах чужбины.
И только звуки Украины
Его тревожат иногда.
Как эхо памяти невинной,
В их узнаю мою весну,
Мои унылые досуги,
И в их я таю, в их тону.
И сердца тяжкие недуги,
Как благодатною росой,
Врачую ими, и молюся,
И непритворною слезой
С моей Украиной делюся.

Но глухо все в родном краю!
Я тщетно голос подаю,
Мне эха нету из дубровы
Моей козачки чернобровой.
Там все уснуло! Пустота
Растлила сердце человека,
И я на смех покинут веком —
Я одинокий сирота!

Осенний полдень, догорая,
Поля нагие освещал,
И лист увядший, опадая,
Уныло грустное шептал
О здешней жизни человеку.
Такой порой моя калека,
Слепая нищая моя,
И дочь красавица ея —
Она спала, а мать сидела
И тихо, грустно тихо пела,
Как пел Иосиф про свой род,
Сидя в египетской темнице.
А в поднебесье вереницей
С дубров украинской земли
На юг летели журавли.
Чему ж бы ей, как вольной птице,
Туда, где лучше, не лететь
И веселее не запеть?
Какая тайна приковала
К жилищу мрачной тишины
Своей сердечной глубины
Она еще не открывала
Ни даже дочери своей;
Она лишь пела и грустила,
Но звуки дочерних речей
В ней радость тихую будили,
Быть может, прежних светлых дней.
Или ограда и тополи,
Что грустно шепчут меж собой,
Свидетели минувшей доли,
Или дубовый пень сухой,
Плющом увянувшим повитый,
Как будто временем забытый,
Ея свидетель? Все молчит!
Она поет, она грустит
И в глубине души рыдает,
Как будто память отпевает
О днях минувших, молодых,
О прошлых радостях святых.
И эти звуки выходили
Из сердца бедного ея,
И в этих звуках много было
Ея земного бытия.
И в сотый раз она кончала
Псалом невольничий глухой,
Поникла смуглой головой,
Вздыхнула тяжело и сказала:
«Ах, песня, песня, песня горя,
Ты неразлучная моя,
В моем житейском бурном море
Одна ты тихая струя!
Тебя, и день и ночь рыдая,

Я всякий час пою, пою,
И в край далекий посылаю
Тебя, унылую мою!
Но ветер буйный, легкокрылый
Что прежде весело летал,
Теперь так тихо, так уныло,
Как будто друга потерял,
Как будто люди научили,
Чтобы не слушал он меня
И не домчал он в край далекий
Тебя, унылая моя!
Не видя вас, не зная дня
В моей печали одинокой,
Чем оскорбить я вас могла?
Что я вам сделала? Любила,
За ваши грешные дела
Творца небесного молила,
Молила, плакала... А вы
В моей тоске, в моей печали,
Как кровожаждущие львы,
Упреком сердце растерзали,
Растлили ядом мою кровь,
И за молитвы, за любовь
Мое дитя, мое родное,
Тяжелым словом понесли,
И непотребницей слепою
Меня со смехом нарекли!
Я вам простила, я забыла,
Я вашей славы не взяла,
Я подаянием кормила
Мое дитя!» И залилась
Слезами, горькими слезами.
Она рыдает, а Оксана
Раскрыла черные глаза:
Скорбящей матери слеза
Прервала сон отроковицы;
С улыбкой черные ресницы
Она закрыла. «Какой сон
Смешной и глупый, и как живо...»
И покраснелась стыдливо,
Сама не зная отчего.
«Как холодно, а ты все плачешь!
Уж скоро вечер; для чего
Ты мне печали не расскажешь?
И я бы плакала с тобою,
А то...» — И хлынули рекою
Слезы невинной красоты.
«И ты заплакала... Прости,
Что о моих сердечных ранах
Я не беседую с тобой,
Я скоро плакать перестану,
Моею тяжкою слезой
Я не прерву твой сон прекрасный,
И о судьбе моей несчастной
Узнаешь ты не от меня.
Тебе расскажут злые люди,
Они тебя не пощадят,
И много, много горя будет.
А горе даром не пройдет.
Озlobит сердце пустотою,

Оно возьмет любовь с собою
И все наилучшее возьмет.
Не плачь, Оксано!» И, рыдая,
Она Оксану утешает:
«Не плачь, дитя мое, усни!
Ты рано плакать начинаешь;
Придет пора твоей весны,
И тайну слез моих узнаешь;
Свои прольешь, прольешь одна,
Одна, бездомной сиротою,
И будет то моя вина,
Что не поделишь...» — «А с тобою?
Разве тебя я не люблю!
Ах, мне с тобой и горе люблю,
Я все с тобою разделю.
Не понесу я чужим людям
Мою сердечную слезу,—
К тебе на грудь я принесу.
Только не плачь! Делись со мною
Своею тяжкою тоскою.
Не плачь одна, откройся мне,
И будет легче. Ах, послушай
О том, что видела во сне,—
Я расскажу тебе.
Чаще, гуще
Как будто лес, а мы вдвоем
Так наобум себе идем.
Потом темно, потом светло.
Потом гляжу — тебя не стало;
Я—ну бежать, кричать, устала,
Села и плачу. Вдруг село;
Большая улица, большая;
И я по улице иду.
Мне грустно так, тоска такая,
Я спотыкаюсь, упаду.
Мне тяжело, мне давит грудь,
А люди смотрят и смеются.
Мне больно стало, а взглянуть
Я будто на людей боюсь.
Потом отаман мне кричит:
«Вот я тебя!» Я испугалась,
И ну бежать— Бегу... упала.
А сын отамана стоит
Как будто, грустный, над водою
И тихо машет мне рукою.
Вот я к нему и подошла,
А он схватил меня руками.
«Зачем в лесу ты не жила?
Зачем ты в поле не росла? —
Такими он сказал словами.—
И мне нельзя тебя любить,
Нельзя с тобою мне венчаться:
Над нами будут все смеяться,
А без тебя мне скучно жить.
Я утоплюсь», — он сказал
И так меня поцеловал!
Не так, как ты... И я проснулась.
Не правда ли, мудреный сон?
Должно быть, худо значит он.
Или не худо — ты не знаешь?

Мне страх как хочется узнать.
О чем же снова ты вздыхаешь?
Или боишься рассказать,
Что значит сон? Ах, расскажи!
Ну, что же делать? Если худо —
Мы в лес уйдем и будем жить
С тобой вдвоем, и будет любо
С тобою вместе мне грустить.
Ну, что ж? Расскажешь?» — «Да,—
сказала,
Вздыхнув, слепая,— рассказать
Тебе должна я. Я устала,
Устала горе выливать
Неразделенными слезами.
Тебе уже пятнадцать лет.
Твой сон зловещий, сон ужасный.
Ты встретишь горестный привет
Своей весне, своей несчастной!
Не вспоминай меня, прости —
И на просторе, и на воле
С унылым ветром погрусти,
Как я грустила, тосковала,
Мою вседневную печаль
Как я лишь ветру поверяла,
Но и ему меня не жаль;
Он даже слез сушить не хочет,
А их так много сердце точит.
Оксано, выслушай меня
И помолись душой незлобной
Пречистой деве в час прискорбный
И за его, и за меня.
Неправдой люди все живут,
Ты их не слушай! Сказкой злою
Они мой жребий понесут
И посмеются над тобою.
И ты не будешь правды знать;
На суд ты будешь призывать
Свою родную,— а ты знаешь,
Что слезы горько проливать,
Коли вины своей не знаешь.
Узнай же все: всю жизнь мою
Я расскажу, не потаю,
С ея весельями и мукой,
Да будет для тебя наукой!
Своих родных не знала я,
В чужой семье я вырастала,
Чужая добрая семья
Меня любила. Я слыхала,
Когда я стала вырастать,
Что мать родная, умирая,
Просила их не покидать —
Меня, малютку, покидая.
Но кто она, ее как звали,—
Потом узнать я не могла.
И я росла себе, росла;
Меня сироткой называли,
Потом красавицей слыла;
Меня любили, и ласкали,
И даже сватали. Но я...
Ах, знать, моя такая доля!

Перед людьми гордилась я
Своей красою. Свою волю,
Девичью волю, берегла.
Как тяжело люди отплатили!
Недолго косу я плела —
Ее накрыли. Вот как было.
Весною умер дидыч старый,
А летом дидыч молодой
В село приехал. Злые чары
Он из Московщины с собой
Привез, красавец, для меня;
И я веселье разлюбила,
И Маковеевого дня
Я не забуду до могилы.
Как ясно солнышко светило,
Как закатилось... и ночь!
Мое дитя! моя ты дочь!
Не обвиняй меня, несчастной,—
Я стыд и горе понесла!
И Маковеев день ужасный,
И день рожденья прокляла.
Мы были в поле, жито жали;
Окончив жатву, шли домой;
Подруги пели и плясали,
А я с распущенной косой,
В венке из жита и пшеницы
Вела перед, была царица.
Нас встретил дидыч молодой.
Никто так мной не любовался.
Я трепетала, тихо шла,
А он смотрел и улыбался.
О как я счастлива была!
Какою сладкою мечтою
Забилось сердце у меня...
На третий день... О мой покою!
Зачем покинул ты меня?
На третий день... и я в палатах
Была, как пани на пиру.
Недолго я была богата.
Зимую рано поутру
Проснулась я,— все пусто было,
И сердце холодом заныло,
А слуги... бог им судия!
С насмешкой выгнали меня
И двери заперли за мною.
Я села здесь, под этим пнем,
И долго плакала... Потом
Едва протоптанной тропой
В село забытое пошла
И долю горшую нашла:
Меня и в хату не пустили,
Все посмеялись надо мной
И хусткой черною, простой
Косу шелковую накрыли.
И я, рыдая, из села
Иной дорогою пошла
В село чужое. Ах, Оксано!
И в шитом шелковом жупане,
И в серой свыти люди злы!
Я из села в село ходила,

А горе шло передо мной.
Я горько плакала, молилась,
И все смеялись надо мной.
Покрыткой, дурой называли,
И даже нищие чуждались.
Во всей Украине родной
Мне места не было одной.
В лесу дремучем, в чистом поле
Я не боялась ночевать:
Там без свидетелей, на воле
Могла свободно петь, рыдать.
А песня горе облегчает,
Хоть и унылая она.
Спасибо, нищая одна,
Такая же, как я, слепая,
Меня учила песню петь;
И я пою ее, рыдая,
И до могилы буду петь.
Дитя мое! Моя Оксано!
Я скоро плакать перестану,
Запомни песню ты мою
И пой ее, как я пою,—
Она умалит сердца рану.
Пришла и красная весна,
Запели пташки, все проснулось,
Все засмеялось — я одна
Святой весне не улыбнулась...
Она мне слезы принесла.
Занемогла я на дороге,
Кой-как до хутора дошла...
И ты на хуторе убогом
Узрела милый божий свет.
О, сколько радостей у бога
Для наших слез, для наших бед!
Твой первый звук... Ах нет, не стану..
Нет... Поцелуй меня, Оксано!
Я не умею рассказать
Про ту святую благодать,
Что только матери избранной
Душою можно понимать,—
То выше счастья людского.
И как несчастлива, убога
Жена бесплодная... С тобой
Мне снова счастье возвратилось,
Я любовалась весной,
Цветы я снова полюбила,
Цветы я снова берегла.
С восходом солнца я вставала.
Ты на груди моей спала.
Никем не видима, бывало,
Прокрадусь в лес, найду цветок
И сяду у цветка с тобою.
Ты тихо спишь, а он цветет,
И я гордилась тобою
Пред распускавшимся цветком.
Бывало, я сорву тайком
Листочек розовый, румяный
И тихо, тихо положу
Тебе на щечку... погляжу
И оболюю тебя слезами.

Была ты розовой цветка
И утренней зари румяней.
Так мне господь добро творил
В тебе и розовых листках.
Но... как тебя ни забавляла,
Какие песни ни певала,
Как ни играла я с тобой,
А злая доля шла за мной.
Я не могла тобой гордиться:
Мне было не с кем поделиться
Твоею детскою красой.
Ты слово «мамо» лепетала,
Но слова лучшего не знала,
Как и теперь не знаешь ты.
Я не могла с тобой идти
Через село; я не стыдилась —
Пусть люди смотрят, как хотят!
Я стыд любовью заменила.
Тебе боялась показать,
Как дети меж собой играют,
Боялась видеть, как дитя
Отца усталого ласкает.
Так время шло; ты вырастала,
И любо было мне смотреть,
Когда ходить ты начинала.
Но горе горькое терпеть
Судил господь мне до могилы
За юность грешную мою.
Свет гаснуть стал... О боже милый!
Я над могилою стою,
Пошли мне мудростью своею
Взглянуть на милый божий свет,
Проститься с грешною землею,
Хотя на место посмотреть,
Где я усну, усну навеки!

.....

И я ослепла. Слезы-реки,
Молитвы теплые — ничто,
Ничто творца не умолило;
И все, что душу веселило,
Как будто в гробе заперто.
Потом что было, я не знаю:
Смеялись люди или нет.
Мои беды вспоминая,
Мне только жаль, что божий свет
Не скрылся в юности беспечной;
Тогда б не знала ничего:
Ни сладкой доли скоротечной,
Ни даже сердца своего.
Теперь к печали бесконечной
Пристала горшая печаль.
Ты хороша собой, Оксано,
Я это знаю, и мне жаль —
Твой сон недобрый очень рано
Тебе приснился».

Оксана

Разве он

Какое зло нам предвещает?

Слепая

Он для меня всех бед страшнее,
А для тебя еще ужасней.
И ты погибнешь от людей,
Как я погибла. Ты не знаешь,
Что скоро встретишь между ими
Змию, ужасную змию!
И ты пойдешь за нею следом,
Покинешь голову мою,
Как я покинула, забыла
Меня вскормившую семью.

Оксана

Ведь ты не знала, что так будет,
Что насмеются злые люди,
Что он недобрый человек,
Что он покинет. Мамо, мамо!
Ты говорила все такое,
Что страшно стало. Где же он,
Мой злой отец? Ты говорила,
Что здесь увижу я его.
И сколько лет уже с тобою
Сижу я здесь — его все нет.
Он не приедет, он покинул:
Тебя он, видно, не любил.
Зачем же ты его любила?
Уйдем из этого села —
Мне страшно стало...

Слепая

Ах, Оксано!
Куда уйдем мы от людей?
Где твою молодость укрою?
А он приедет... и тогда,
Тогда спокойно я умру.

Слепая грустно замолчала.
Оксана с детской тоской
К ней на колени тихо клала
Головку смуглую свою.
«Усни, Оксано! — говорила.—
Я тихо песенку спою,
Спою любимую твою,
Как братья брата продавали
В чужую, дальнюю страну».
И отходящую ко сну,
Лелея, нежно целовала,
Читая тихо сей псалом:

«Храни тебя, святая дева,
От злых напастей, бурь земных!
Да будет сон твой сладок, тих,
Как непорочные напевы
Небесных ангелов святых!

Да не дерзает искуситель
В сердечну храмину войти,
И по терновому пути
Да волит ангел-охранитель
На лоно рая привести.

Храни тебя, святая Дева,
От злых напастей, вражьих кои,
Свой найбожественный покров
Пошли тебе, святая дева,

Мое дитя, моя любовь!»
Наутро юная Оксана,
Как утро осени в тумане,
Скорбя невинною душой,
У ног страдальницы слепой
Уныла, бледная сидела.
Слепая ту же песню пела,
И тот же в сердце непокой!
Не скоро дни текут над ними,
Не ясно солнышко горит.
Пришла весна, и двор пустынный
Вдруг оживился, все кипит
Веселой жизнью, как бывало.
Приехал дидыч на покой.
Чету страдалниц разлучили:
Оксана в доме заперта,
А одинокую слепую
Одеть велели и прогнать
С наказом строгим: не шататься
Вокруг господского двора.
И рада, бедная, была,
Что так сбылось, как мечтала.
«Теперь,— так думала слепая,—
Теперь Оксаночка моя
Укрылась от непогоды,
Будет счастливою...» И шла
С любимой песней из села,
Из обновленного села,
Моля небесную царицу,
Да благо дочерино хранит.

.....
Оксана грустная сидит
В роскошно убранной светлице,
Одета бархатом, парчой,
И не любит себя собой
Перед большими зеркалами.
Проходят месяцы за днями;
Как панне, все готово ей,
И ходит сторож у дверей.
Сам дидыч сласти ей приносит,
Дарит алмазом, жемчугом
И на коленях ее просит
Не звать ни паном, ни отцом.

.....
Зачем все это?! И рыдала...
Запел весною соловей,
Запел не так, как он, бывало,
Поет пред утренней зарей,
Когда малюточка Оксана,
Пока покоилось село,
Шалашик делает с бурьяну,
Чтоб маму солнце не пекло,—
Когда ходила умываться
Она в долину, и потом
Барвинком, рутой наряжаться,
И ненароком повстречаться
С черночупринным козаком.
Печальный вечер ночь сменила
Еще печальней. Тяжко ей,
Она сидела и грустила

О прошлой бедности своей,
И слышит: песню за оградой
Знакомый голос ей поет
Печально, тихо:

«Текла речка в чистом поле,
Орлы воду пили;
Росла дочка у матери,
Козаки любили.
Все любили, все ходили
И все сватать стали,
И одного между ими
Козака не стало.
Куда скрылся, дивилися,
И никто не знает.
Поселился в темной хатке
За тихим Дунаем».

Оксана молча трепетала,
Ей каждый звук рождал мечту.
«Он не забыл,— она шептала,—
Он не покинет сироту...»
За каждым звуком вылетает
Из сердца черная тоска,
Она себя воображает
Уже в объятьях козака.
Уже за садом, за оградой,
Уже на поле... воля... рай...

.....
«Держи, держи! Лови, стреляй!» —
Раздался хриплый голос пана,
И выстрел поле огласил.
«Убили! — вскрикнула Оксана.—
Убили! Он меня любил.
Любил!..» И замертво упала.
То был не сон. То пел козак,
Удалый, вольный гайдамак.
Оксана долго дождала
Любимца сердца своего
И не дождалась его.
Отрадный звук не повторился,
Надежды вновь не прошептал,
Он только снился, часто снился,
И юный разум разрушал
Мечтой бесплодную.

«Птицы вольные, сестрицы,
Полетите в край далекий,
Где мой милый, кароокый,
Где родная край дороги!
Болят руки, болят ноги,
А я долю проклинаяю
С поля воли дожидаю!»

Так пела бедная Оксана
Зимой в светлице у окна.
Неволя стерла цвет румяный,
Слезой смылась белизна.
«Быть может, здесь,— она шептала,
Зимой проснулась мать моя,
А я... дитя ее... а я...»
И, содрогаясь, замолчала.
Темнело поле, из тумана

Луна кровавая взошла;
Взглянула с трепетом Оксана
И быстро молча отошла
От неприветного окна,
Страшась кровавого светила.

.....
Завыли псы, рога трубили,
И шум, и хохот у ворот —
Охота с поля возвратилась,
И пан к страдалнице идет
Бесстыдно пьяный...
Слепая, бедная, не знала
Недоли дочери своей,
С чужим вожатым спотыкалась
Меж неприязненных людей.
Ходила в Киев и Почаев
Святых угодников молить
И душу страстную, рыдая,
Молитвой думала смирить.
И возвратилась зимою
В село страдания тайком.
Сердце недобрым чем-то ныло,
Вещало тайным языком
Весть злополучия и горя.
Со страхом в сердце и тоскою
Тихонько крадется она
Давно изведанной тропкою;
Кругом, как в гробе, тишина;
Печально бледная луна
С глубокой вышины сияла
И белый саван озаряла
На мертвой грешнице земле.
И вдруг открылася вдали
Картина страшная пожара.
Слепая, бедная, идет,
Не видя наших зол и кары,
И очутилась у ворот,
Весною кинутых. О боже!
Что она слышит? Треск, и гром,
И визг, и крик, и гул протяжный,
И жаром хлынуло в лицо.
Она трепещет. Недалеко
Вдруг слышит голос... Боже мой!
Чей это голос ты узнала?
Узнала... страшно... то Оксана!
На месте том, где столько лет
Они вдвоем, грустя, сидели,
Она, несчастная, сидит;
Едва одетая, худая,
И на руках, как бы дитя,
Широкий нож в крови качает.
И страшно шепчет:
«Молчи, дитя мое, молчи,—
Пока спекутся калачи,
Будем медом запивать,
Будем пана поминать».

(Поет).

«А у пана два жупана,
А третья свята,
За то пана

Утром рано
В дуброве убито.
А убили гайдамаки,
Жупаны делили:
Тому жупан, тому жупан,
А третьему свыта.
И остался без свыты пан,
В снег белый зарытый.
Ай да и гайдамаки!»

Слепая

Оксано! Где ты?

Оксана

Ах, молчи!

Дай убаюкать мне сынка!

(Поет).

«Баю, баю, дитя мое,
В дремучем лесу,
А я тебе с поля волю,
Долю принесу.

Баю, баю, дитя мое,
Во сыром бору,
А я пойду погуляю,
Ягод наберу.

Баю, баю, дитя мое,
Край битой дороги,
Переломят люди руки
И белые ноги.

Баю, баю, дитя мое,
У гробу дубовом,
Полиняют кари очи
И черные брови.

Усни, дитя, усни, дитя,
Усни ты навеки,
А я одна на базар пойду,
У жида крови наточу
И тебя полечу».

А... уснул! Теперь возьми.
У! какой черный... посмотри!

Слепая

Оксано! Где ты? Что с тобою?

Оксана

(быстро подходит к ней)

А ты где ходишь? Посмотри,
Какой веселый пир у пана!
Да пан не будет пировать —
Я уложила его спать.
Тебя одной недоставало.
Я подожду, пойдём плясать.

(Поет и медленно пляшет).

«Гой, гой, не беда!
Слезы тоже вода,
Слезы гасят печаль,
А печали мне жаль,
Жаль мне грусти моей,
Жаль подруги моей,

Моей черной тоски».

Моей... моей... Ах нет, не то...
Теперь так весело, светло,
А я как будто на поклонах.

(Поет и пляшет).

«Посеяла лебеду на беду,
А долина калиною поросла;
А у меня, красавицы,
Змии-серьги в ушах.
Через плечи висят,
И шипят, и шипят.
Козак верно любил,
Козак серьги дарил.
Мать в могиле спала,
А я, знай себе, шла.
Шла дорогой большой;
А за мной, все за мной
По четыре, по три
Косари, косари,
Бурьян косят, поют...»

Слепая

Оксано бедная, молися,
Молися богу, ты поешь
Все песни страшные такие!

Оксана

А ты смеяться, мамо, хочешь?
Э, полно, мамо, столько лет
Ты хохотала, я смеялась, —
Поплакать можно одну ночь.

Слепая

Дитя мое, моя ты дочь!
Опомнись, грех тебе, Оксано,
Ты насмеялася.

Оксана

Кто? Я?

Не насмеялася! Смотри,
Смотри, как падают стропила.
Гу!.. гу!.. гу!.. Ха-ха-ха-ха!
Пойдем плясать, его уж нет,
Он не разлучит нас с тобою.

(Поет и пляшет).

«По дороге осока,
А в болоте груши,
Полюбила козака,
Запродала душу.
А козак
Так и сяк,
Не любил,
Задушил,
В сыру землю зарыл.
В темной хате сырой
Спать ложилась со мной
Ведьма черная.
И смеялася,
Обнималася,
Ела, грызла меня,

Подложила огня,
И запела, заплясала,
И скакала, и кричала:
Жар, жар, жар!
Через яр
На пожар.
Все слетались,
Любовались
И смеялись:
Хи-хи-хи, тра-ла-ла-ла,
Не осталось ни кола.
Смоляная черту свечка!
Через яр идет овечка.
Не ходи, козак, в дуброву,

Не ходи, Ивашечко,
Торною дорожкой,
Не носи гостинчики
Змии, черной гадине!
Чародейка лютая
Сотрет брови черные,
Выжжет очи карие».

Слепая

Опомнись, дочь моя, Оксано!
Ты все недоброе поешь;
Пойдем в село: здесь страшно стало!

Оксана

Пойдем в село, здесь душно мне,
Я босиком, как на огне,
На розовом снегу танцую.
Пойдем в село, переночуем.
А кто нас пустит ночевать?
Ведь люди, знаешь, нас боятся;
Пойдем мы в лес волков ласкать;
Ведь люди врут, что волки злятся,
Волки нас любят — право, так!
А помнишь, ты мне говорила...
Ах, нет... не то... постой, забыла!
Я все забыла... Мой козак,
Мой кароокий... Я любила,
И он, козак, меня любил,
И темной ночью он ходил
В зеленый сад, где я гуляла.
Ах, как там весело бывало!
Как он, лаская, целовал,
Какие речи он шептал!
Ты так меня не целовала,
Как он, мой милый, дорогой,
Мой ненаглядный, мой сердечный!

.....

Ты говорила, он не злой;
А он, твой пан, бесчеловечный,
Твой пан-палач его убил
За то, что я его любила,
За то, что он меня любил.
Злодей, в железа заковал.
Об этом я не говорила
С тобою даже. Он пропал...
Пропал без вести, как пропала
Моя девичья краса.

А ты слыхала чудеса?
Он в гайдамаках атаманом
И этот нож мне подарил.
Он приходил...

Слепая

Пойдем скорее!
Веди меня!

Оксана

Куда вести?
В болото, в лес? Постой, постой!
Я поведу тебя в село,
Где все бурьяном поросло,
Где вместо хат кресты, могилы,
Где поселился друг мой милый
В светелке темной и сырой.

Слепая

Пойдем скорее. Бог с тобой!
Перекрестися!

Оксана

Я крестилась,
Я горько плакала, молилась,
Но бог отверг мои кресты,
Мои сердечные молитвы.
Да, он отверг. А помнишь ты?
Нет, ты не помнишь, ты забыла.
А я так помню: ты учила
Меня, малютку, кровь сосать
Да О т ч е н а ш еще читать.

Слепая

Оксано, боже мой, молись,
Ты страшно говоришь!

Оксана

Да, да.
Я страшно говорю, так что же!
Ты не боялася сидеть
Осенней ночью у забора
И просидела двадцать лет,—
Пойдем опять туда сидеть.
Пойдем же, мамо, будем петь,
Пока народ не пробудился.
И будем петь, как снаряжился
Козак с ордою воевать,
И как покинул он дивчину,
И как другую полюбил.
Ведь это весело — покинуть
В чужой далекой стороне
Листок с любистка на огне.

(Поет тихо).

«Плыви, плыви, лодочка, за Дунай;
За Дунаем погуляю, молода,
С козаками-молодцами мертвыми,
С козаками-мертвецами».
Чур меня! Чур меня! Чур меня!
Пойдем скорее. Ах, постой!
Я потеряла башмаки.
А башмаки ведь дорогие,

Да ноги жгли мне, все равно
Мне их не жаль, и босиком
Дойдем до гроба...

(Поет).

«Полетела пташечка
Через поле в гай,
Уронила перышко
На тихий Дунай.
Пльиви, пльиви, перышко,
Пльиви за водой!..»
Я все молчала, все молчала,
А он шептал и целовал.
Сулил намисто с дукачами.
Зачем ты не велела брать?
Ведь им бы можно удавиться.
А знаешь что? Пойдем к реке
Купаться просто, и утонем,
И будем щуками в воде.
И пташкам воля в чистом поле,
И пташкам весело летать,
А мне так весело в неволе
Девичью молодость терять.
Я разве грешница какая?
Отраву, что ли, я варю?
Нет, я не грешница; ты знаешь,
Всему я верила, всему!
Но кто поверил моей вере?
Теперь не то. Летит, летит!
Нет, ты не вылетишь, проклятый,
Я задушу тебя! Держите —
Красный змий! Красный змий!
Он рассыпется... Потом...
Га! га! ги!..»
И, будто мщение живое,
Она, с распущенной косой,
С ножом в руках, крича летела
И с визгом скрылась в огне.
Вдруг крик пронзительный. Вздогнула
Слепая молча и, крестясь,
«Аминь, аминь, аминь!» — шептала.
И крик сменил протяжный гул,
Стена упала, гул ревел
И смолк в долине безучастной,
Как в глубине души бесстрастной.
Пожар, лютея, пламенел.
Слепая, бедная, стояла
В дыму и пыли снеговой;
Она Оксаны дождала
И с о с в я т ы м и у п о к о й
Неволью с трепетом шептала.
И не дождалася слепая
Своей Оксаночки; ушла
Из погорелого села,
Псалом любимый напевая:
«Кого, рыдая, призову я
Делить тоску, печаль мою?
В чужом краю кому, тоскуя,
Родную песню пропою?»

[1842, С.-Петербург]

